# - УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС -

**Дата поступления рукописи в редакцию: 16.04.2025 г.** DOI: 10.24412/2782-3830-2025-4-207-210
**Дата принятия рукописи в печать: 13.05.2025 г.**

***ЖМУРОВ Дмитрий Витальевич,***
*к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии*
*Байкальского государственного университета (г. Иркутск),*
*e-mail: zdevraz@ya.ru*

## *ВЗАИМОЗАВИСИМЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПРЕСТУПНИКА И ЖЕРТВЫ*

**Аннотация**. *В статье предложен подход к трактовке отношений между преступником и жертвой, выходящий за рамки формального дуалистического их понимания как противостоящих друг другу сторон. Автор показывает, что эти отношения порой носят сложный характер взаимной зависимости и могут включать элементы сотрудничества или взаимной выгоды. Описаны три типа подобных отношений: взаимозависимые (когда индивиды зависят друг от друга эмоционально или функционально), взаимовыгодные (основанные на получении обоюдной пользы) и кооперативные (когда происходит объединение усилий для достижения некой условной цели). Автор приходит к выводу о необходимости более глубокого изучения этих взаимоотношений для наилучшего понимания природы преступного поведения.*

**Ключевые слова**: *преступник, жертва, взаимоотношения, зависимость, выгода, сотрудничество, семейное насилие, мошенничество, преступное поведение, социальные связи.*

***ZHMUROV Dmitry Vitalievich,***
*PhD in Law, Associate Professor,*
*Department of Criminal Law and Criminology,*
*Baikal State University (Irkutsk)*

## *INTERDEPENDENT RELATIONS OF A CRIMINAL AND A VICTIM*

**Annotation**. *The article proposes an approach to understanding the relationship between the offender and the victim that goes beyond the formal dualistic understanding of them as opposing parties to each other. The author demonstrates that such relationships frequently exhibit a multifaceted nature characterised by mutual dependence, and may encompass elements of cooperation or mutual benefit. It is evident that three distinct types of such relationships have been described in the extant literature: interdependent relationships, where individuals depend on each other emotionally or functionally; reciprocal relationships, based on mutual benefit; and cooperative relationships, where individuals join forces to achieve a notional common goal. The author concludes that a more in-depth study of these relationships is needed to better understand the nature of criminal behaviour.*

**Key words**: *criminal, victim, relationship, dependence, benefit, cooperation, family violence, fraud, criminal behaviour, social ties.*

В современной науке весьма актуален вопрос изучения личности преступника [1, 2, 3]. Одним из направлений такой работы может стать переосмысление традиционной парадигмы криминологического анализа, базирующейся на бинарной оппозиции «преступник-жертва». Феноменология криминального поведения демонстрирует более разнообразные типы взаимоотношений участников преступного акта, нежели модель антагонистического или линейного противостояния.

Эта мысль ставит под сомнение догматичность превалирующего в юриспруденции подхода, сводящего многомерность криминального взаимодействия к упрощенной схеме «причинитель вреда - потерпевший субъект».

Особую значимость в этом ракурсе приобретают исследования природы виктимно-криминальных отношений, характеризующихся сложной взаимообусловленностью. С такой точки зрения традиционная юридическая презумпция однонаправленного причинения вреда и, соответственно, необходимости односторонней защиты «пострадавшей стороны», представляется методологически ограниченной и требующей ревизии.

Криминологическая наука сегодня требует разработки более нюансированного категориального аппарата и инструментов познания, способных адекватно отразить суть взаимоотношений преступника и жертвы, порой выходящих за рамки поверхностных бинарных схем. Этот подход является важным условием углубленного понимания природы отношений сторон уголовно-наказуемого акта.

Таким образом, проблема изучения отношений «преступник-жертва» в русле признания их взаимозависимого характера, заслуживает особого внимания. Указанное явление может быть обозначено как криминально-виктимная конвергенция, т.е. комплекс взаимосвязей между преступником и жертвой в конфигурации единой системы социально-психологических отношений, удовлетворяющей обоих партнеров.

Современные исследования, посвящённые анализу связей между пострадавшим и правонарушителем, чаше всего трактуют их как отдельные и независимые социальные системы, где одна является источником противоправной активности, а другая - мишенью [4]. Однако такой взгляд не всегда отражает сложность возникающих в ходе подобной коммуникации межличностных связей.

Иногда между пострадавшим и правонарушителем наблюдается особая форма согласованности, некая системная целостность. Несмотря на то, что такие случаи относительно редки и не являются типичными для большинства противоправных инцидентов, их изучение представляет особый научный интерес.

В рассматриваемых ситуациях обе стороны формируют своеобразное сообщество, в котором каждый участник играет определенную роль, поддерживающую общее равновесие. Такое единство характеризуется взаимным удовлетворением потребностей сторон, что создает устойчивую социальную конструкцию. Преступник и его жертва в данном контексте могут пониматься как общность или социальный организм, благодаря которому участники достигают гомеостатического равновесия.

Нельзя однозначно утверждать, что подобное понимание чуждо современной науке. Ряд авторов высказывает подобные интеграционные идеи, предлагая, к примеру, рассматривать отношения преступника и жертвы в рамках схемы соответствия, когда ситуативные факторы почти не имеют значения, а на первый план выходит стабильная психологическая взаимосвязь и дополняемость личностных особенностей участников криминального акта [5]. В других источниках преступник и жертва трактуются как единая и подвижная криминальная система, от функционирования которой зависит возможность реализации противоправных действий [6].

Исходя из идей криминально-виктимной конвергенции можно сформулировать несколько форм такого поведения:

1. Созависимые отношения между жертвой и преступником заключаются в том, что стороны на фоне противоправной деятельности одной из них привязываются друг к другу в эмоциональном (аффективном) плане.

Например, длительная ситуация тотального контроля и дискриминации при семейном насилии (травматическая связь, созависимость) может формировать у потерпевшего эмоциональную привязанность [7], тогда как преступник, получая удовлетворение от власти над партнером, становится, в свою очередь, психологически зависимым от последнего. Подобные отношения нередко длятся годами и приобретают систематический характер [8].

В современном контексте подобное можно наблюдать в случаях похищений, длящихся долгие годы. Например, история Н. Кампуш, которая провела 8 лет в плену и после самоубийства похитителя, связанного с ее побегом, выражала сложные чувства горя и сострадания к нему. Она даже унаследовала его дом и машину, демонстрируя глубокую психологическую связь с человеком, лишившим её свободы .

В деструктивных религиозных группах лидер культа (преступник) и последователи (жертвы) формируют сложную систему взаимозависимости. Лидер получает власть, финансовую выгоду и психологическое удовлетворение, в то время как последователи - чувство принадлежности и смысл жизни.

Примером может служить история секты «Храм народов» под руководством Джима Джонса, где последователи были настолько зависимы от лидера, что более 900 человек совершили массовое самоубийство по его указанию. При этом зависимость была взаимной – Джонс нуждался в последователях для подтверждения своего статуса и поддержания иллюзии всемогущества.

Примеры взаимозависимости можно найти в практике романтических мошенников, когда не только их жертва становится эмоционально привязанной к преступнику, отрицая очевидные признаки обмана, но и девиант, вживаясь в роль, начинает испытывать к потерпевшему привязанность [9].

Терминологическое поле взаимозависимых отношений весьма обширно (Стокгольмский синдром, Лимский синдром, синдром идентификации с агрессором, синдром избиваемой женщины, синдром заложника в браке и т.п.).

2. Взаимовыгодные отношения предполагают, что обе стороны криминального акта извлекают пользу из имеющихся связей.

Несмотря на то, что это утверждение далеко неоднозначно, в некоторых случаях можно отметить сложную динамику «удовлетворения» потребностей обеими сторонами криминальной ситуации. Так, если целью преступника является получение власти и контроля, материальной выгоды, снятие эмоционального напряжения или подтверждение собственной значимости, то у потерпевшего могут быть свои резоны. Иногда положение жертвы компенсируется в материальном плане; у некоторых виктимных личностей наблюдается склонность к саморазрушению, в то время как отношения с преступником становятся своеобразным способом аутодеструкции и проч.

Существует термин вторичные выгоды жертвы обозначающий некие преимущества от приобретаемого статуса пострадавшего. Это позволяет получить внимание и сочувствие, избежать ответственности за действия (собственную жизнь) или манипулировать окружающими (в том числе причинителем вреда) [10]. Так, жертва, используя свое положение может стремится к получению эмоционального контроля над агрессором, вызывая у него чувство вины, жалость или стремление компенсировать причиненный ущерб.

Взаимовыгодные, хотя и с негативными последствиями, отношения между жертвой и преступником ярко проявляются в таком явлении, как дропперство. В отличие от классического представления о жертве как о лице, страдающем от преступных действий, дропы занимают особое положение. Они осознанно и добровольно позволяют вовлекать себя в преступную деятельность, мотивированные финансовой выгодой (т.н. «неразводные дропы»). Это создает парадоксальную ситуацию, где жертва вовлечения сама становится соучастником преступления, получая за это определённое возмещение. Такая «выгода» строится на манипуляциях со стороны преступников, которые эксплуатируют финансовую уязвимость или жажду быстрой наживы. Преступники получают возможность анонимизировать свои действия, используя таких лиц в качестве посредников для отмывания денег, незаконных денежных операций и проч. Вместе с тем, несмотря на кажущуюся выгоду, дропы в долгосрочной перспективе сами оказываются жертвами. Они подвергаются рискам уголовного преследования, финансовых и репутационных потерь и проч.

Еще одним примером взаимовыгодных отношений преступника и жертвы являют собой финансовые пирамиды. Хотя в конечном итоге такие схемы неизбежно приводят к потерям для большинства вкладчиков, временная динамика этих отношений заслуживает детального рассмотрения. Организаторы пирамиды создают видимость взаимовыгодного сотрудничества: они предлагают участникам возможность заработать «легкие деньги» через высокие проценты или бонусы за привлечение новичков. В обмен организаторы получают приток капитала и расширение схемы. На начальном этапе эти отношения действительно могут казаться взаимовыгодными. Ранние участники получают реальные выплаты (из средств вновь привлеченных вкладчиков), статус «успешных инвесторов» в глазах окружающих, ощущение принадлежности к «элитарному клубу посвященных» и проч. Активные участники становятся неформальными «евангелистами» пирамиды, искренне верящими в ее легитимность и агрессивно защищающими от критики. Образуется многоуровневая структура, где каждый уровень имеет свою мотивацию.

3. Кооперационные отношения (объединение усилий для достижения общей цели) требуют особой правовой и моральной оценки, поскольку в таких ситуациях не всегда очевидны границы между волей потерпевшего и стремлением нарушить закон со стороны преступника. К подобным примерам относятся: эвтаназия (умышленное убийство по просьбе жертвы); нанесение увечий в личных интересах пострадавшего (заражение или травматизация по просьбе жертвы в исправительных учреждениях, для достижения цели уклонения от военной службы; избегания профессиональной деятельности или получения страховых выплат и т.п.).

Совершение действий сексуального характера с участием несовершеннолетнего, несмотря на его явное согласие, в уголовном законодательстве, квалифицируются как преступление (например, половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста). В указанной ситуации правовая оценка не зависит от положительной воли или осознанности поведения несовершеннолетнего потерпевшего, хотя внешне такие действия нередко выглядят добровольными.

Другим примером является взаимное причинение вреда (нападение) по обоюдной договоренности, которое может быть причислено к кооперационным отношениям. Например, участие в дуэлях и боях, запрещённых законом. Или взаимные драки, происходящие хоть и по добровольному согласию сторон, но с соответствующими физическими повреждениями.

Таким образом, отношения преступника и жертвы могут выходить за пределы очевидного противостояния, обретая более сложный и неоднозначный контекст. Эти связи могут быть продиктованы общими интересами, страхом, манипуляциями или чем-либо еще. Например, в ситуациях с организованной преступностью наблюдается симбиоз между преступником и жертвой,

когда последняя находится в зависимости от криминальных групп. Бандитские формирования могут «защищать» сообщества предпринимателей или предоставлять им услуги, в то время как члены этих сообществ, понимая противозаконность такой деятельности, всё равно сотрудничают с преступниками, руководствуясь мотивам выгоды или страха.

Отношения между преступником и пострадавшим могут демонстрировать элементы толерантности или вынужденного сотрудничества, когда потенциальная жертва, оказавшись в безвыходной ситуации, использует преступника в своих интересах. Так происходит, когда человек соглашается участвовать в незаконной миграции, осознавая, что он становится частью криминальной схемы. В подобных случаях преступник получает выгоду (финансовую), а жертва рассчитывает на улучшение своей жизни в новой стране.

Перечисленные отношения до определенной степени демонтируют явные границы между жертвой и преступником, создавая особое пространство амбивалентности. Это показывает сложность человеческих связей и неочевидность (нестатичность) границ между виктимом и правонарушителем.

**Список литературы:**

[1] Гармышев Я.В., Корягина С.А., Лавыгина И.В. Нравственно-психологическая характеристика личности преступника // Baikal Research Journal. 2018. Т. 9, № 4

[2] Нежкина Л.Ю. К вопросу акцентуаций характера в структуре комплексного изучения личности преступника // Baikal Research Journal 2022. Т. 13, № 2

[3] Бавсун М.В., Стебенева Е.В. Трансформация личности преступника в постиндустриальном обществе // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 4. С. 340–351.

[4] Аведян А.А. Взаимоотношения жертвы и преступника на стадии предкриминальной ситуации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 12. С. 153-156.

[5] Ахмедшина Н. В. Механизм взаимодействия между жертвой преступления и преступником // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 172-176.

[6] Приходько Е.В. Виктимология: тексты лекций для студентов второго курса факультета «Психология» специальности «Социальная педагогика. Педагогическая психология». Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. 116 с.

[7] Травматическая связь // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Травматическая_связь (дата обращения: 07.04.25).

[8] Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Анализ судебных решений как источник статистики семейного насилия в России // Социальная политика и социология. 2022. Т. 21. № 2 (143). С. 140-147

[9] Greep M. Ghanaian scammer who's posing as a woman online to con a US man out of more than $10,000 admits he's grown to «love» his «kind-hearted» victim // Dailymail. URL: https://www.dailymail.co.uk/femail/article-10501611/Documentary-sees-male-fraudster-admit-falling-love-victim.html (дата обращения: 07.04.25).

[10] Ахмедова Н. Вторичные выгоды жертвы // Сайт психологов B17. URL: https://www.b17.ru/article/447134/ (дата обращения: 07.04.25).

**Spisok literatury:**

[1] Garmy`shev Ya.V., Koryagina S.A., Lavy`gina I.V. Nravstvenno-psixologicheskaya xarakteristika lichnosti prestupnika // Baikal Research Journal. 2018. T. 9, № 4

[2] Nezhkina L.Yu. K voprosu akcentuacij xaraktera v strukture kompleksnogo izucheniya lichnosti prestupnika // Baikal Research Journal 2022. T. 13, № 2

[3] Bavsun M.V., Stebeneva E.V. Transformaciya lichnosti prestupnika v postindustrial`nom obshhestve // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2023. T. 17, № 4. S. 340–351.

[4] Avedyan A.A. Vzaimootnosheniya zhertvy` i prestupnika na stadii predkriminal`noj situacii // Gumanitarny`e, social`no-e`konomicheskie i obshhestvenny`e nauki. 2017. № 12. S. 153-156.

[5] Axmedshina N. V. Mexanizm vzaimodejstviya mezhdu zhertvoj prestupleniya i prestupnikom // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 413. S. 172-176.

[6] Prixod`ko E.V. Viktimologiya: teksty` lekcij dlya studentov vtorogo kursa fakul`teta «Psixologiya» special`nosti «Social`naya pedagogika. Pedagogicheskaya psixologiya». Gomel`: GGU im. F. Skoriny`, 2009. 116 s.

[7] Travmaticheskaya svyaz` // Vikipediya. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Travmaticheskaya_svyaz` (data obrashheniya: 07.04.25).

[8] Rostovskaya T.K., Bezverbnaya N.A. Analiz sudebny`x reshenij kak istochnik statistiki semejnogo nasiliya v Rossii // Social`naya politika i sociologiya. 2022. T. 21. № 2 (143). S. 140-147

[9] Greep M. Ghanaian scammer who's posing as a woman online to con a US man out of more than $10,000 admits he's grown to «love» his «kind-hearted» victim // Dailymail. URL: https://www.dailymail.co.uk/femail/article-10501611/Documentary-sees-male-fraudster-admit-falling-love-victim.html (data obrashheniya: 07.04.25).

[10] Axmedova N. Vtorichny`e vy`gody` zhertvy` // Sajt psixologov B17. URL: https://www.b17.ru/article/447134/ (data obrashheniya: 07.04.25).